

ПИРЯТИНСКАЯ ПРЕМИЯ

3 октября 2014 года в День учителя состоялось второе в истории гимназии вручение Общественной премии имени Юрия Брониславовича Пирятинского. Лауреатами премии в номинации «Человеческое измерение» стала Анастасия ПАПАНКИНА, а в номинации «Русская словесность» – Алексей МАКАРОВ.

На фото (слева направо): первый ряд – А. Макаров и А. Папанкина, второй ряд – Д. Савенко, А. Никитина, С. Корсакова, третий ряд – С. Дарий, Л. Константиныди, М. Алексеенок.

Предлагаем вашему вниманию «Пирятинские лекции» нынешних лауреатов, а также произведения гимназистов, выдвинутых в этом году в номинации «Русская словесность».

Награждение лауреатов производится один раз в год – в День Учителя. Следующее, третье по счету награждение состоится в начале октября 2015 года.

«Я благодарна гимназии за всё, что было и ещё немножечко будет»

АНАСТАСИЯ ПАПАНКИНА
лауреат премии в номинации
«Человеческое измерение», 11 «Б»

держат. И мои самые яркие впечатления, разумеется, связаны с нашей семьёй. Турслёты, посиделки и песни у костра, путешествия в разные города, дни самоуправления, проекты, конференции, праздники и пед-мастерские – едва ли для меня есть что-то дороже этих воспоминаний.

Нельзя сказать, что грустных моментов не было совсем. Конечно, были: и двойки, и ссоры, и чрезвычайная усталость, и желание бросить всё на свете – но, как извест-

вым и интересным, дарит приключения и счастье. Которая, кажется, никогда не закончится. С каждым классом всё больше и больше знакомых лиц, ты почти каждого проходящего мимо можешь назвать по имени. Но, взрослея и провожая старших друзей, покидающих гимназию навсегда, невольно становится грустно и тревожно на душе. Однажды и тебе тоже (совсем скоро!) придётся так же оставить родное местечко, расстаться с дорогими учителями,

К моему превеликому счастью, я успела застать Юрия Брониславовича. Он вёл у нас уроки всего парутройку раз, но до сих пор мы частенько вспоминаем его фирменные «касагик», «котик, я начинаю сердиться», «Мона Лиза – шизофреник», «сядь, чудовище» и подобные фразочки. Юрий Брониславович запомнился мне не просто как великолепный учитель, до конца верный любимой гимназии, но и как человек с превосходным чувством юмора...

Получить именную премию было для меня большой неожиданностью и огромной честью, и я хотела бы искренне поблагодарить свой класс и педагогов за доверие и поддержку...

Я помню, как в пятом классе наш психолог Ольга Михайловна Смирнова сказала нам: «Если в конце этого года вы сможете назвать гимназию родной, значит, вы попали в правильное место». С полной уверенностью и положила руку на сердце, я могу назвать гимназию своим вторым домом. За всё время обучения здесь я обрела настоящих друзей, мудрых наставников, очаровательных младших, которым очень приятно помогать. Гимназия – это большая-большая семья, где все любят друг друга, делятся опытом и эмоциями, всегда готовы помочь и под-

Знаки лауреата премии вручает Е. Копыт

но, трудности – это и есть именно то, что как ни что другое формирует характер и учит находить и принимать решения. Я благодарна гимназии за всё, что было и ещё немножечко будет.

Пока ты учишься в шестом, седьмом, восьмом, девятом классе, жизнь в гимназии тебе кажется сказкой, которая каждый день тебя радует но-

попрощаться с младшими классами, которые теперь остаются вместо тебя. Это страшно, признаюсь. Страшно уходить. Страшно менять дорогое и близкое сердцу на пока ещё неизвестное. Однако, как говорила Мэри Поппинс, всё хорошее когда-нибудь кончается. И необходимо со смелой улыбкой двигаться вперёд, трудиться и покорять новые вершины.

Гимназия помогла мне найти, пожалуй, самое важное в жизни – своё призвание. Пару лет назад я едва ли могла подумать, что работа с подшефными и проведение уроков у младших классов будут приносить мне такую радость. Пожалуй, уже ни для кого не секрет, что я мечтаю стать учителем иностранных языков. Не скрою, многие пытались меня отговорить, однако я не представляю для себя другого жизненного пути. Благодаря педагогическому таланту наших любимых учителей, я определила для себя идеал, к которому буду стараться стремиться. Окончив университет, я была бы счастлива вернуться в родные стены уже в качестве преподавателя и достойно продолжать традиции гимназии.

Спасибо. Люблю. Вернусь.

«Иначе меня назовут занудой...»

АЛЕКСЕЙ МАКАРОВ
лауреат премии в номинации
«Русская словесность», 11 «А»

Я не люблю премии, конкурсы, одиночные и командные соревнования, эстафеты, фестивали с призовыми местами, спортивные и интеллектуальные состязания, дебаты, оцениваемые компетентным жюри, и проч., и проч., и проч.

Впрочем, конечно, неприязнь — вещь сугубо субъективная.

Если чуть менее эмоционально — разумеется, существование в школе премии за литературные достижения — вещь разумная, полезная, в высшей степени нужная каждому образовательному учреждению, хоть в какой-то степени ориентированному на поиск и оценку дарований.

Техническая сторона вопроса: поиск и сбор материала, выстраивание контакта с номинантами, донесение до школьников всей необходимой информации, сам процесс оценки работ — все эти моменты в подготовке вручения премии были на высоте. Вообще, труд, вложенный в этот подготовительный этап, колоссален, и здесь я снимаю шляпу.

Но есть моменты неровностей, о которых я бы вообще промолчал, не будь этот текст необходимым элементом рождающейся традиции.

Во-первых, сами рамки конкурса (внутри одной школы) заставляют искать в мало-мальски качественных произведениях повод оценить, конкуренция фактически отсутствует, и в позицию «однородных» встают произведения совершенно разных «весовых категорий». Это — ситуация, неизбежная для столь ограниченного пространства.

Однако похожее впечатление «кажущейся равновесности» производят и сами номинации.

Премия имени ЮБ. объединяет в себе категории «Русская словесность» и «Человеческое измерение». В первой номинанты награждаются за литературные достижения, во второй — «...за общественно-значимый поступок, исключительные личные достижения в общественной и педагогической деятельности, иные важные человеческие свершения».

Человеческой точки зрения. Бесконечно широкий выбор. Не переходит ли, таким образом, эта номинация в область морали? Спорный вопрос. На мой взгляд, переходит. И тогда — при всём уважении к нынешнему победителю «человеческого измерения» — её существование не может не вызывать некоего напряжения.

Оценивать чужую нравственность — безнравственно.

Думаю, не нужно лишний раз пояснять, почему.

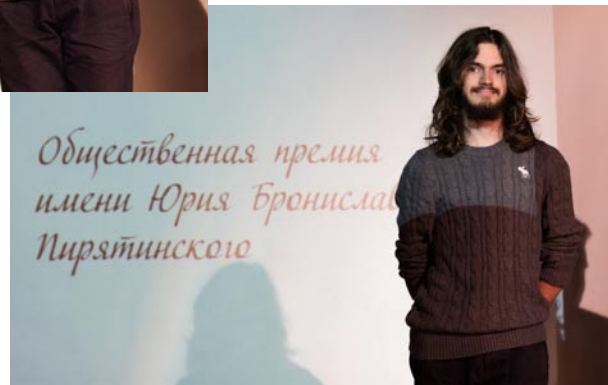
Что касается лично меня, то я рад своему участию в премии. Я много должен школе за всё, что она мне дала. Отплачивать, как в десятом классе, — вложением сил в каждый праздник и выезд, на которые хватает времени, — в одиннадцатом для меня почти невозможно. Такие мероприятия как Премия — хорошая возможность делать это «заочно».

Знаки лауреата премии вручает В. Буяновская

Понятен порыв учредителей — как можно больше «очеловечить» конкурс, воскрешающий в памяти людей любимого ими учителя, коллегу, друга. Понятны, в общих чертах, и критерии, по которым в эту категорию отбирают.

Не знаю, что именно задевает меня в этой второй номинации. Наверное, сама формулировка — «человеческое измерение». Отсылает она не к общественной и не к педагогической деятельности, а к тем самым мистическим «иным важным человеческим свершениям», значащимся в конце списка. Что это может быть? В реальности — что угодно. Любой поступок, ценный и правильный с общече-

Пожалуй, из моих мыслей и эмоций касательно Пирятинской Премии это всё. Самого Юрия Брониславовича я не знал — любые речи о нём были бы пустословием. Особой гордости и признательности не испытываю, только радость за возможность что-то дать.

И ещё кое-что. Стихотворению «Пиши» (и не только ему) категорически противопоказано исполнение серьёзным тоном и с серьёзным лицом. Иначе меня назовут занудой.

А ведь и без того называют...

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прочитав «Пирятинскую лекцию» Алексея Макарова, мы посчитали необходимым сказать еще несколько слов о том, чем для нас является премия и что мы думаем относительно тех оценок, которые высказываются по ее поводу.

А думаем мы вот что. Это хорошо, что в общем хоре людей, поддержавших и принявших эту премию, вдруг раздалось иное мнение. Юрий Брониславович Пирятинский сам был одним из главных выразителей иного мнения в стенах нашей гимназии. И в этом плане текст Алексея вполне в стиле ЮБ.

Даже в своем кругу мы долго формулировали, за что именно вручается премия в номинации «Человеческое измерение». То есть мы понимали, что имеем в виду, но долго не могли обозначить это без лишнего пафоса. Разобравшись сами, в итоге решили (вероятно, ошибочно), что это понятно и всем остальным...

Главный вопрос – могут ли быть объективные критерии этого измерения? Конечно, нет. Означает ли это «бесконечно широкий выбор»? Широкий – безусловно, но не «бесконечно». И уж точно – это не оценка «чужой нравственности». Это нечто другое. Присуждая премию, мы отмечаем тех, чьи взгляды, позиция, поступки, отношение к окружающим, как нам кажется, совпадают с человеческими ориентирами, которые близки, прежде всего, нам самим.

Наш выбор каждый раз непросто и, в конечном счете, субъективен (это, кстати, касается не только «человеческого измерения», но и «русской словесности»). Мы отдаем себе отчет в том, что этот выбор по определению не может нравиться всем. Как не всем нравился и сам Юрий Брониславович Пирятинский...

В юности всегда легко оценивать и судить. С возрастом это часто проходит – начинаешь видеть мир более объемным и сложным, осознавать, что в жизни нужно и ценно, а что не очень. Для нас важно сохранить память о ЮБ. Нам важно поощрять ребят, способных и одаренных как в литературном плане, так и в человеческом – равнодушных и ответственных. И кажется, нам это удастся.

Учредители премии

Л.А. Наумов

«Премия имени Ю.Б. Пирятинского нужна по целому ряду причин. Нам в принципе нужны премии, которые позволяли бы поддерживать гимназистов. Конечно, мы их поощряем оценками, присуждаем им

«звезды» гимназии. Но поле этих оценок должно быть более широким, потому что часто учителя ошибаются, сверстники ошибаются, родители ошибаются. Чем больше будет людей, которые по разным основаниям поддерживают от одного, то другого, то третьего ученика, тем лучше.

Поэтому, мне кажется очень правильным, чтобы была широкая общественная оценка. Совпадает она с мнением учителей – слава Богу. Не совпадает – значит, тем более, интересно, почему у общества одна оценка, а у учителей другая.

И очень хорошо, что эта премия носит имя ЮБ. В-первых, потому что он – символ нашей школы, он прожил в ней несколько десятилетий и превратился в настоящего хранителя гимназического духа. А во-вторых, потому что он выражал очень значимые черты, которые мы хотим любить в наших гимназистах. Своей требовательностью к ним, ожиданием от них подвигов и свершений, он, может быть, лучше, чем многие другие, выражал тот замысел, который возник при создании этой школы – быть равнодушными».

Г.Б. Шандалов

«Память о человеке живет, прежде всего, в его детях. Его детьми была вся школа. Думаю, в памяти тех, кто будут иметь отношение к его фамилии благодаря этой премии, он будет жить долго...»

Пирятинский всегда подтрунивал над всеми общественными деяниями, всегда делал вид, что находится абсолютно в стороне от этого. Но, на самом деле, он был самым общественным человеком в этой школе за все годы, которые я здесь работаю. Потому что он мог решить любой вопрос, который должны были решать общественные организации – он был и местком, и профком, и комитет комсомола – в общем, все то, над чем он всю жизнь подтрунивал.

Те, кто будут удостоены этой премии, могут не знать Пирятинского и даже не слышать о нем ничего. Но я уверен, что дух Пирятинского будет жить в этих стенах до тех пор, пока эта премия будет существовать. И это, наверное, единственный правильный способ сберечь память о нем как о человеке, равных которому в истории этой школы, на мой взгляд, не было».

Виктория Буяновская
первый лауреат премии в номинации «Русская словесность» (май 2014 года), ныне – студентка первого курса факультета филологии НИУ «Высшая школа экономики».

«Тяжёлый дым» Набокова

Мой интерес к филологии проснулся тогда, когда я еще не знала и не могла знать этого слова – «филология», но при чтении первых книг уже возникали назойливые вопросы: почему это так? Что должен сказать нам этот пейзаж? Отчего автор явно что-то недоговаривает? Зачем нужно подробное описание внешности какого-нибудь третьестепенного героя? Много-много подобных вопросов...

Потом к этому интуитивному стремлению искать добавилось твёрдое понимание того, что в хороших, настоящих художественных текстах не бывает случайного. Иллюзия случайности или небрежности, на самом деле, тоже прием. В тексте, как в живом организме, все взаимосвязанно и все имеет смысл...

Филология – это скорее наука о подходах к тексту, чем о конкретных текстах. Взгляд на них может расширяться и углубляться с появлением новых подходов. Но новые подходы, в свою очередь, рождаются в ходе изучения реального материала. Поэтому, конечно, с пристального, максимально внимательного чтения текстов все и начинается. А дальше – удивительным образом соединяются фантазия, творчество и требующий предельной точности, можно даже сказать «математический» подход.

Тем не менее, про филологию часто говорят, что это «и не наука вовсе». Говорят, что филологи видят в тексте то, чего автор «никак не имел в виду». Не говоря уже о том, что настоящий филолог тщательно «выверяет» свои гипотезы, необходимо понимать, что филология работает не только с творчеством конкретных выдающихся людей, но и с тем, что создает эпоха, национальная культура и даже человечество в целом. И сознательно, и бессознательно писатель закладывает в текст многоуровневую систему смыслов. Бессознательно – значит по «инерции» культуры или языка, когда образы или художественные средства как бы накладываются на уже существующие в культуре, умножаются, приобретают новое значение. И, кстати, Бродский считал поэта орудием языка, а не наоборот, то есть отводил важнейшую роль не тому, что автор «имел в виду», а самостоятельной силе культуры, в которой произведение начинает жить отдельно от художника.

Но филологическое знание, как уже было сказано, опирается на исследование конкретных текстов, поэтому перейдем к примеру – проанализируем «Тяжелый дым» Вла-

димира Набокова, рассказ-загадку о процессе творчества и поэтическом вдохновении.

Рассказ начинается с описания игры света и тени. Особенно важные детали обстановки – это стекла, зеркала, создающие новые миражи, отражения, благодаря которым оживает воображение героя. В его взгляде на окружающие его предметы все больше и больше фантазии: для описания дверей автор в первый раз использует эпитет “зыбкое стекло”, во второй раз – метафору “освещенное золотой зыбью ночное море”. Как мы видим, на передний план постепенно выдвигается ассоциативный ряд, метафорическое соответствие, а не сам предмет. Чтобы показать слияние разнообразных впечатлений, Набоков использует прием синестезии: “шум автомобиля завывался вверх, как легкий столб”. Полутона, мерцания, реализованные метафоры (осозаемым становится даже едва уловимое) – все это открывает перед читателем мир таким, каким его воспринимает герой с его обострившимися чувствами: обыденное видится ему как чудо.

В. Набоков, 1930-е годы

Игра света и тени не только оживляет фантазию героя, но и «углубляет мнимую перспективу». Творческий процесс в рассказе показан как движение от замкнутого пространства к открытому. По мере этого движения герой ищет свое настоящее «Я». Комната постепенно превращается в «комнатный космос», а герой ощущает себя уже не «длинным, плоским юношей», а как «форму, совершенно лишенную отличительных черт».

Герой растворяется в увиденном, чтобы обрести себя настоящего. «Будущее воспоминание», мелькнувшее в его душе, – это взгляд на ситуацию со стороны, вне времени. В герое происходит раздвоение, отсюда неожиданный образ: оказавшись во власти вдохновения, он «догоняет себя».

Мучительный и одновременно радостный творческий процесс начинается со случайного впечатления – герой увидел дым, который стремился вверх и никак не мог оторваться от земли, будучи «сытым», «сонным», словно отяжелевшим от обыденности, покоя, «милого» – то есть привычного – тлена. Душа героя так же стремится преодолеть замкнутое пространство материального мира, освободиться.

Как кажется на первый взгляд, Набоков, следуя романтической традиции, противопоставляет мир мечты миру действительности, создает контраст между пошлостью

обстановки, в которой герой находится, и красотой его фантазий. Все в окружающем его быте разваливается, все пронизано ощущением неустроенности. Герой живет в эмиграции, занимается не тем, что ему близко, а политэкономией «по принуждению отца». Его портрет – «небритая щека, красное ухо», «неподтянутые штаны» – жалок, некрасив. Разлад проявляется и в его взаимоотношениях с близкими – именно поэтому в рассказе появляется «агрессивный» образ сестры с ее прищуренными глазами, «жадными пальцами». А в описании разговора героя с отцом ключевым становится слово «заминка», настолько отчужденно и неловко они оба себя чувствуют. Кроме того, отец держит в руках порванную карту и безуспешно пытается по ней сориентироваться, что также символизирует разрыв с миром. Еще одна важная деталь обстановки – «накрытый давно опочившей прислугой стол». Кажется, что время в этой квартире остановилось, а в воздухе разлито что-то вялое, удушьящее, прямо противоположное образу моря, мелькающему в сознании героя. Ощущение контраста создается и на лексическом уровне: описывая действия героя до первого «толчка» вдохновения, Набоков использует просторечия («пришлось переть»), а в момент вдохновения переходит на высокую лексику («тлен»).

Но, если приглядеться внимательнее, становится очевидным, что материальный и духовный миры в рассказе переплетаются сложнее, чем если бы в основу их соотношения была положена концепция романтического двоемирия. Герой внимательно прислушивается не только к голосу «оттуда», зову мечты, но и к любому своему ощущению. Каждый его шаг, каждое впечатление – это часть «сомнамбулического маршрута», ведущего к цели. Поэтому и на «извлечение из зуба говяжьего волокна» отведено в рассказе примерно столько же места, сколько и на самые красивые фантазии героя. Его сознание фиксирует все детали происходящего, причем воспринимает увиденное очень остро – даже отверстие в зубе представляется ему «пропастью». Он словно обретает способность проникать в суть любого предмета или явления. Поэтому Набоков использует переусложненные метафоры, олицетворения («поползновение дверей постоянно разъезжаться»), окказиональные эпитеты.

Автор передает поток сознания героя. Используя прием ретардации, он создает иллюзию соответствия художественного и реального времени. Поэтому текст состоит, в основном, из сложных предложений, предложений с однородными членами. Нельзя не обратить внимание на вставные конструкции, оформленные скобками, – они передают сам процесс мышления с постоянно возникающими новыми ассоциациями, путаницей образов, «многоголосием» в сознании героя.

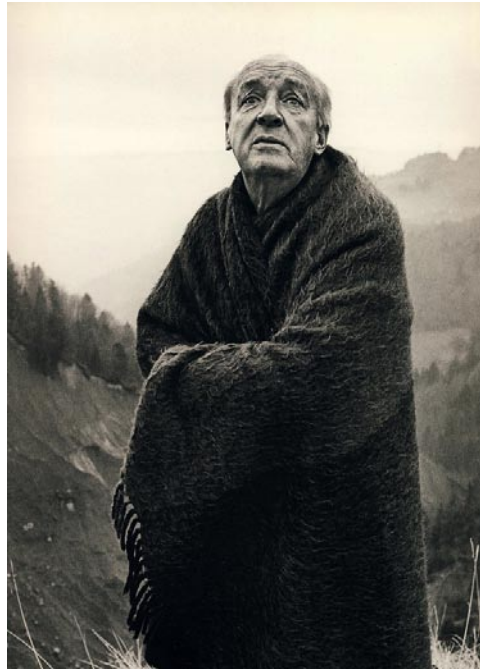
Итак, разнообразные, часто контрастные впечатления сплетаются между собой. Источник вдохновения можно найти как подойдя к полке с любимыми книгами, так и увидев «тяжелый дым» на крыше трактира. А «обиженные плечи отца», символизирующие острое, пронзительное чувство любви и сострадания, становятся последним «ингредиентом». Художник не просто вырывается из мира материального в мир идеальный, он объединяет их, заставляет слиться. Вспомним знаменитые ахматовские строки: «Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая преград..!»

Тема творческого поиска реализуется также с помощью постоянных переходов от третьего лица к первому. В самые важные моменты герой становится рассказчиком, по мере приближения к финалу все чаще – настоящее «я» обретается все явственнее. В кульминационный момент этот переход происходит уже даже в одном предложении, ломая линейную логику повествования («он заметил, как отец повернулся..., но тут дверь закрылась, я не досмотрел...»)

В финале герой, наконец, достигает «лучшего, что есть на земле» – творческого озарения. Пусть все, что он сделает, будет «бренно» и «зачахнет» – он все равно сводит весь смысл своей жизни к этому моменту, ощущает себя в миг вдохновения центром мироздания. Весь рассказ стремится к этой точке. Ожидание разрешается не только в душе героя, но и на уровне художественной формы: только тогда Набоков открывает читателю суть происходивших с героем метаморфоз – мы узнаем, что все

это время в его душе зрели, звали, отчаянно рвались наружу стихи.

Мы проанализировали лишь несколько «слоев» рассказа. Но, надеюсь, уже это приоткрывает чудо выразительности, единства, многозначности и живой энергии высокохудожественного текста.

В. Набоков, 1972 год

Владимир Набоков (1899, Санкт-Петербург — 1977, Монтрё, Швейцария) — выдающийся русский и американский писатель, сын одного из лидеров кадетской партии, юриста Владимира Дмитриевича Набокова и внук министра юстиции в правительствах Александра II и Александра III Дмитрия Николаевича Набокова. После Октябрьской революции 1917 года семья Набоковых переехала из Петрограда в Крым, а в 1919-м покинула Россию. В 1922-37 гг. Набоков жил в Берлине, в 1937-40 гг. – во Франции, в 1940-60 гг. – в США, последние семнадцать лет жизни провел в Швейцарии. Автор романов «Машенька» (1926), «Защита Лужина» (1930), «Приглашение на казнь» (1935-36), «Лолита» (1955), «Бледное пламя» (1962), «Ада» (1969) и др. Рассказ «Тяжелый дым» написан в 1934-35 гг.

Дана Савенко
 номинант премии (октябрь 2014 года), 11 «Б»*

Лебединая песня

Вечер только начинался, и ему это, кажется, нравилось. Шумная толпа, умеющая заразить своим весельем и праздных гуляк и добropорядочных семьянинов, постепенно заполняла пространство под шелковым куполом цирка. В каждом, кто пришел сегодня насладиться представлением, клубились не раздавшиеся еще аплодисменты, хохот и восторженные вздохи. Достаточно было немного подтолкнуть, и этот клубок эмоций готов был вырваться наружу, сотрясая стены и разлетаясь в воздухе сотнями радужных брызг.

За кулисами царил привычная веселая нервозность. Воздух дрожал, дрожали шнурки на корсетах, дрожали от напряжения линии страховки. Артисты завершали последние приготовления в гримерке.

– Никого не хочу обидеть, но костюм слишком черный, Вилли. Лучше бы что-то на контрасте, – задумчиво изрек клоун Василь. Афроамериканец Вильям, к которому, собственно, обратился Василий, раздраженно передернул плечами, ясно давая понять, что шутки шутить не намерен, момент не тот. Однако Вилли прекрасно знал, что Василь не шутит никогда, исключая его непосредственное рабочее время. После и до него, чувство юмора Василя просто уходило на покой, чтобы потом исправно служить долгу.

Василь вообще был довольно своеобразным человеком, если человеком, – как иногда шутил Вилли. Клоун жил в уединении и очень дорожил своей свободой. В свой замкнутый мир не пускал почти никого и Вилли казалось, что чем дольше он знаком с Василем, тем меньше он о нем знает, а знакомы они были уже больше десяти лет. Вилли же напротив, был веселым и открытым человеком, его ныне покойные родители воспитали его правильно. Несмотря на диаметрально противоположности этих двоих, Вилли и Василь были друзьями – насколько старался первый и позволял последний. Сейчас же оба были на взводе, и Вилли говорил мало, а Василь – еще меньше, чем обычно.

– Мой выход, – бросил Василь и кубарем выкатался на сцену вместе с остальными клоунами. Цирк должен начинаться и заканчиваться смехом.

– А вот и яааааа.. д подействовал, – радостные восклицания клоунов сменились протяжным воем. Затем они грузно осели на пол. Из глаз брызнули искусственные слезы. Несмотря на то что половина сидящих в зале знали каждый волосок на бороде этой шутки, зрители ликовали с двойным усердием. Пока Василь и другие клоуны корчились и кривлялись, катаясь по сцене, запрыгивая на выложенный разноцветной плиткой барьер арены, разбегаясь в разные стороны и гримасничая, как приматы, Вилли за кулисами нервничал все больше. Видимых причин на то не было: сегодняшнее представление ничем не отличалось от предыдущих, да и пресловутой боязнью сцены Вилли не страдал.

Побарабанив пальцами по дереву туалетного столика, Вилли поднялся и в который раз за день поглядел на себя в зеркало.

– Никогда не понимал, зачем им столько клоунов. Обычно их два – это я понимаю: веселый и грустный. Но зачем третий, кому он нужен? – подумал Вилли. Как ни прискорбно было признавать, обтягивающий черный костюм действительно почти сливался с кожей афроамериканца, делая его похожим на... А впрочем, ни на кого не похожим, но выглядело это странно до безобразия. Пытаясь отыскать причину своих беспочвенных волнений, Вилли задумался о своей жизни. О холоде этого до сих пор чужого Вильяму русского города, даже после десяти лет совместной жизни негостеприимно и неохотно принимающего Вилли в свои костлявые, снежные

* Иллюстрации автора

объятия. О девушках, привходящих и уходящих так стремительно, что Вилли даже не запоминал их лица. Его в основном воспринимали как диковинную штуку, которой угощались эти люди и этот город, а потом выбрасывали, пресытившись. Вилли стало зябко от собственных мыслей, и он поехал, проводя руками по бицепсам, обтянутым черной глянцевой материей.

Скучные серые лица ежедневных прохожих мелькали в его широко распахнутых выпуклых глазах и пробегали по пухлым розовым губам, которыми он попеременно перебирал, как будто молясь или нашептывая что-то себе под нос. Василь был единственным действительно живым человеком, которого знал Вилли и дорожил им больше всего на свете. Они не часто разговаривали по душам, как это делают друзья, не развлекались, шатаясь по барам и кабакам, но каким-то неизвестным образом, Василь всегда появлялся именно в тот момент, когда был действительно необходим Вилли. Даже первая встреча их в некотором роде спасла Вилли.

В то далекое и с тем близкое время, десять лет назад, у Вилли были не только душевные, но и материальные проблемы. Он был типичным гастарбайтером без квартиры, денег и в нелепой шапке с растрепанным помпоном. Был морозный день, Вилли чувствовал себя особенно потерянным и стоял у входа в метро на какой-то неведомой ему станции и медленно покрывался ледяной коркой и сигаретным дымом прохожих. Вилли тогда еще не понимал, что замерзает и, с удивлением замечая, что конечности больше не слушаются его, не придавал этому

особого значения. Резкий толчок вывел его из опасного забвения. Он ударился спиной о мраморную колонну, оставив на заснеженной поверхности след от куртки, и в следующий миг сильная, уверенная пятерня рванула его к себе.

Вилли дико озирался, ощущая чьи-то теплые ладони на своих щеках. Когда он наконец смог сфокусировать взгляд, то увидел перед собой худое лицо с тонкими чертами и глаза, светлые практически до белизны, зрачки которых спокойно смотрели прямо на него. Левый уголок губы незнакомца медленно пополз вверх, а затем загнулся резко вниз, придавая его лицу совершенно неповторимую гримасу доброй насмешки и некоторого довольного торжества. Вилли растерянно хлопал глазами, окончательно потеряв понятие о том, что с ним происходило.

– Идем в тепло, – сообщил человек со светлыми глазами таким тоном, как будто план их дальнейших действий уже давно кем-то составлен и всем известен, но для «особо внимательных», он готов повторить еще раз.

– Хо - ро - шо, – тихо ответил Вилли, с трудом вспоминая подходящее русское слово.

– Я – Василь, – бросил незнамец вдобавок и поманил Вилли жестом руки. Так и познакомились.

С тех пор Василь стал кем-то вроде ангела-хранителя для Вилли. Случайный знакомый помог Вильяму устроиться на работу в цирке и нашел ему съемную однокомнатную квартиру у милой престарелой дамы польского происхождения. Иногда, когда Вилли начинал вспоминать родину и семью и задумывался о своем несбывшемся счастье, Василь уверенно входил в запертую на ключ квартиру афроамериканца, готовил ему чай с ароматными, неизвестными Вилли травами, добавляя туда несколько миллилитров бальзама и долго смотрел на него неподвижными светлыми глазами. Вилли раскрывал Василью свою душу, а то, что Вилли не мог объяснить словами, Василь понимал сам.

Сам же клоун ничего не рассказывал о себе, но иногда ронял истории о своих бывших друзьях, если к слову приходилось. Он всегда говорил о них в прошедшем времени, а Вилли, смеясь, отвечал: «Что ты их хоронишь в прошедший время? Они же не умирать. Даже я понимаю». Василь в ответ полз левым уголком губы вверх и вниз, как всегда.

Вилли нашел себя карабкающимся по лестнице на платформу, откуда он обычно совершал прыжки на трапеции. Он посмотрел вниз. Увиденное поразило его, как будто он видел это зрелище впервые.

– Столько людей, – подумал он, – и ни одному из них я не нужен по-настоящему. Я нужен несколько секунд, когда взмываю в воздух и, рискуя жизнью, делаю сальто и перепрыгиваю с одной трапеции на другую. Я нужен всем одновременно, а затем не нужен никому. Вилли отвернулся от замершей в ожидании толпы и продолжил подниматься вверх. Наконец он добрался до конца лестницы и

привычным движением тела вскарабкался на платформу.

– Не дрейфь, шоколадка, – раздался справа чей-то насмешливый высокий голос. Вилли опустил взгляд и посмотрел на пальцы своих босых ног, согнул и разогнул их. Через несколько сантиметров заканчивалась платформа и начиналось глубокое падение. Чуть выше уровня взгляда Вилли мелькали в воздухе гимнасты, делая шпагаты и другие фигуры, изящно перелетая со снаряда на снаряд, складывались пополам, сгибались и разгибались. Вилли сделал шаг и прыгнул. В воздухе он поймал трапецию и, сделав несколько движений ногами и корпусом, перемахнул на другую, зацепившись за нее коленями. Зал бурлил и кипел как котел с пуншем. Отовсюду раздавались восторженные возгласы, свист и крики. Какой-то ребенок испуганно обратился к маме с вопросом, не упадет ли дядя вниз.

– Нет, детка, – ласково ответила пухлая рыжая мама, – что ты такое говоришь – дядя упадет! Дядя не упадет. Такого просто быть не может, чтобы дядя – и упал вдруг. Они ведь для того и нужны, чтобы вверх летать, а не вниз падать.

Ребенок взвесил все за и против и решил не бояться за дядю и не портить себе хороший день. Поскандальить всегда успеет, в конце-то концов.

Вилли очутился на платформе с другой стороны. Поймал трапецию рукой, подпрыгнул и взялся второй, окунулся в праздничный воскресный воздух. Закинул ноги, вытянулся как по струнке, держась за металлические кабели, на которых трапеция крепилась, нырнул головой назад, поймал руки другого акробата. Вновь вернулся на платформу. Вилли переполняло целиком чувство свободы и невыразимого восторга. Он дышал, быстро наполняя легкие воздухом и выпуская его обратно, на волю. Другие гимнасты смотрели на него с удивлением, Вилли не видел их взглядов, но как-то их чувствовал, шуток про шоколадку больше слышно не было.

Так хорошо Вилли раньше не летал. Он выполнял все трюки не только безукоризненно технично, без единой ошибки, но и с какой-то особой страстью. Он напоминал черную птицу, которая, кружась в воздушных потоках, исполняла свой дикий танец. Белозубая улыбка его блестела, резко выделяясь на фоне черной кожи, усеянной капельками пота. Вилли посмотрел вниз и увидел лицо Василя. Тот смотрел на гимнаста, сидя на разноцветном стеклянном бортике арены.

– Безумный, – подумал Вилли, – представление в самом разгаре, а он уселся спиной к зрителям прямо на сцене. Василь улыбнулся. Уголок его губ привычно пополз вверх, потом резко загнулся вниз, но вдруг неожиданно его рот открылся, обнажив ровные крепкие зубы, глаза сузились, собрав вокруг себя тонкие морщинки, и он затрясся в приступе беззвучного смеха. Вилли впервые видел, как Василь смеется по-настоящему, а не во время игры в шута. Этот беззвучный смех заполнил Вилли, его уши, его голову, в мире для него не осталось ничего, кроме блестящих светлых глаз Василя, его ровных белых зубов и этого беззвучного, необъяснимого смеха.

Цирк должен начинаться и заканчиваться смехом, да. Вилли резко повернулся на пятках и, мягко переступив через крепления платформы, упал вниз. Воздух немного взъерошил его короткие курчавые волосы, и он с глухим звуком ударился о бетонный пол рядом с ареной. Тишина в зале была короткой, но выражала гораздо больше, чем последующие крики и плач. Вечер чувствовал себя несправедливо обиженным

и раздосадованным. «Я ведь так хорошо начинался», – думалось ему.

Василь подпрыгнул, легко оторвался от земли и взмыл в воздух. Все же бесплотным быть куда как удобнее. Поднявшись повыше, он повернулся к лежащему на краю арены Вилли и смерил его долгим, странным взглядом. Василь больше не был в глупом клоунском парике, потому что больше не было Вилли, который видел его таким.

– Мы, конечно, не хотим тебя отвлекать, – раздался язвительный голос откуда-то из под купала цирка, или выше, – но у тебя не конец рабочего дня, не отпуск и ничего такого, сам понимаешь. Ты и так тратил на этого паренька до не приличия много времени, пока он был жив, ну а сейчас-то что? Не просветишь, чем он от других отличается?

– Любимый лебедь, – кратко ответил Василь. Правый уголок его губ пополз вверх, а потом резко загнулся вниз, как бы в знак протеста против такого несерьезного отношения к таким серьезным вещам. Василь медленно растворился в воздухе, оставляя вечеру свою странную улыбку и еще более странный взгляд светлых глаз.

Софья Корсакова
номинат премии (октябрь
2014 года), 10 «Б»

*** **

Когда закончится всё это,
Война, сраженья, смерти страх
Мне будут видеться ль во снах?
И не услышу ли я где-то
Звон стали и протяжный крик?
А долгожданная победа
Не принесёт ли тень от света?
Вдруг солнце вышло лишь на миг?

Зачем войну тогда кончать?
Что если заново начнется?
Что если бог войны очнётся
И не придётся вспоминать
При внуках славные походы?
Зачем растрчивать слова,
Уж если мира острова
Им всем покажут воеводы?

Алексей Макаров
лауреат премии в номинации «Русская словесность»
(октябрь 2014 года), 11 «А»

*** **

Мы говорим на разных языках.
Мы спорим без различия во мнениях
И даже во внезапных откровеньях
Не слышим сердца, что звучит в словах.
Отшутиться — а в чьих-нибудь глазах
Ответит грусть пустому анекдоту;
Изложишь боль — а хвалят за острогу.
Мы говорим на разных языках.

Тщись наделить сознание словарём,
Ищи его на дне чужих рыданий,
Распутывай клубки полупризнаний —
Чужим не овладеешь языком.
Ведь даже те, кто это прочитал,
Несут в себе разлад словесных кодов —
Меж их литературных переводов
Лишь отблеском мелькнёт оригинал.

Пиши

Пиши, не думая о том,
Что тихо шепчет чувство меры.
По сводам каменной пещеры
Пиши крошащимся углём...

Пиши луной — по тьме ночей,
Восходами — по пробуждёнью.
Пиши по горным склонам тенью,
А лучше — парюю теней...

Возьми гуашь, используй тушь,
Смочи перо вишнёвым соком,
Пиши индукционным током
По тем, кто скажет: «Это чушь!»

Пиши, взбираясь на канат,
Пиши, летя с него обратно.
Пиши, пока безрезультатно
Тебе о чём-то говорят...

Пиши записки, наконец,
И клей их на рубашки сзади.
Пиши загадкой во взгляде
По ткани чьих-нибудь сердец...

Пиши изнанкою души
По свитку каждого мгновенья!
Но... если можешь жить без женья
От свежих строк — то не пиши!

К будущей жене поэта

Заранее прошу Вас извинить
Всё то, что ещё может не случиться!
(Однако лучше сразу извиниться,
Чтоб тут же эту глупость позабыть)

Во-первых, извините мне мой нрав:
Уверен, мы шкафы заберём костями
И грязными непарными носками.
Не верите? Увидите: я прав!

Прошу, мне извините, во-вторых,
Мученья первых лет, тех лет, покуда
Нас не оставит ощущение чуда,
И мы наивно станем ждать других.

За то ещё прошу меня простить,
Что стану раздражительной свиньёю:
Я и сейчас в себе её не скрою,
А дальше невозможно будет скрыть!

Что вечно буду малость в облаках,
Что на прогулках, двигаясь кругами,
Летя умом и думая ногами,
Забуду про ребёнка на руках...

Что буду (и при том наверняка)
Самовлюблённым и недалёковидным.
И пусть Вам не покажется обидным,
Но выбор Ваш неясен мне пока!

Что для семейных дел из всех семи
Едва ль один денёк найду в неделе...
Что, наконец, погибну на дуэли,
Оставив Вас одну с тремя детьми!

Короче, эти мелочи пестрят,
И все перечислять — ума лишиться!
Но если нашей встрече не случиться...
Беру все извинения назад.

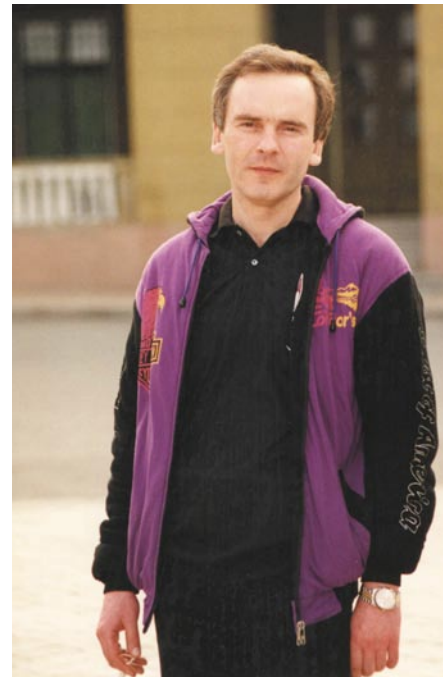

*** **

*Первому месяцу лета
посвящается...*

Каникулы — тоскливая пора.
Глухая тошнотворная дремота.
Почувствовать и пожелать чего-то —
Геройство. От утра и до утра —
Сплошной, шершаво-плотный, мутный сон.
Укор себе. Усталость от укора.
И горечь послевкусья от повтора
Ещё недавно сладостных имён.

Переживанье — шнуровский бикфорд,
Который ничего не подрывает.
Часы ползут, но время не меняет
Осточертевший взгляду натюрморт.
Вслед за тупым бессилием пера —
Короткий всполох злого вдохновенья.
И ничего, помимо заключенья:
Каникулы — тоскливая пора.

Ю.Б. Пирятинский, 1996 год

Ся/сь - тье

*Возвратным частицам
посвящается...*

История эта себя начала
С финала, к которому, в общем-то, шла.
(А лучше сказать: только тенью была
Финала.)
Не знаю, как вышло, что Он и Она
Себя повстречали, и что за луна,
Луча себя светом, над миром их сна
Сияла.

Однако в блаженстве несли себя дни.
Нечасто себя расставая, Они
Питали себя, словно током - огни,
Друг другом.
Но вот между Ними пал мелкий раздор,
Себя укрепил, и пылающий взор
Стал гаснуть. Мир сжал себя в клетку из ссор —
Стал кругом.

И, круг разрывая, надежды дробя,
Они, не прощая, простили себя.
И жизнь к ним врывала себя, в горн трубя,
Всё реже.
Себя, мой читатель, вокруг огляни:
Возвратность глаголов и чувств в наши дни
Укрыла себя, но отнюдь не в тени.
Так где же?..

Мария Алексеенко
номинант премии
(октябрь 2014 года), 10 «Б»

*** **

*Посвящается любимому учителю,
Юрию Брониславовичу Пирятинскому*

В каждом доме живёт домовой,
В каждом — без исключения!
В гимназии был Домовой – головой
Русского языка изучения.
Иногда молотком он детишек пугал,
Иногда «Монпансье» им дарил,
Кто «прЕчуда» в диктанте его написал,
Того тортом он угостил.
От улыбки его становилось тепло,
Все очень его уважали,
Всегда в двадцать первом было светло —
И как же его обожали!
Животных любил всей душой Домовой,
Особенно птиц и кошек.
Кормил и поил, забирал их домой,
Всегда, если сможет, – поможет.
Но славы наш Домовой не любил,
Когда же его восхваляли,
Тогда Домовой тихо прочь уходил,
Чтобы пафосом не обижали.
Но в жизни, друг мой, ничто не вечно,
Уснул Домовой навсегда,
Давайте память хранить о нём бесконечно,
Не забывать никогда...

Анна Никитина

номинант премии (октябрь 2014 года), 11 «Б»

Кавказское путешествие

День 1

Высокие деревья, чьи стволы необъятны, колючие травы, скалы с мхом и горные ключи, что бьют тоненькими струйками между больших камней. А ты идешь. Вверх, без остановки, потому что ты не первый и не последний и не имеешь права объявить привал. С непривычки болят ноги, ноет спина, а глаза слепит потрясающая, невероятная красота! И вот кажется, что дыхание сейчас остановится, и ты готов отдать все за глоток воды и минуту передышки. Так больно, так тяжело... Но внезапно в твою голову, как назойливая муха в стекло, стучится мысль: неужели я не могу? неужели я слабак? Ты делаешь глубокий вдох, потом еще и еще. Дыхание становится ровным, а боль притупляется. И нет больше мыслей. Идти ради идти — вот цель нашего похода. Идти ради идти... Когда осознаешь это, становится так легко. Мы долго поднимались, потом спускались, дошли до ручейка, который по какой-то нелепой случайности назван громким словом “водопад” и остановились на ночлег. Усталость навалилась резко и внезапно. Перед сном мы сидели у костра и говорили. Так, ни о чем. И хотя мысль о том, что завтра снова нужно будет идти, как привидение летает вокруг нас, она не пугает. Идти ради идти. С этой мыслью закончился наш первый походный день.

День 2

Этот день был не менее сложный и интересный. Мы совершили крутой перевал через первый хребет гор, добрались до первого нашего населенного пункта. Деревушка, крошечная, но заставленная новомодными постройками, была абсолютно пуста. Только недалеко от магазина и реки мы увидели небольшую группу людей. А место это, как нельзя лучше, называется Безымянное. Нам, городским детям, избалованным цивилизацией, наверное, никогда не понять, как люди могут здесь жить. Не приезжать, скажем, на лето, а именно жить. Всегда. Заход в магазин принес много радости, а купание в реке еще больше. А потом снова в путь. Долгий-долгий пусть сквозь лес и холмы. Деревья здесь, кстати, потрясающие. Прикасаешься к ним и чувствуешь их энергию. Такую светлую, такую чистую, словно опустил руки в ледяной горный источник. Вечером костер и долгожданные песни под гитару. И тепло, и уют, и спокойствие.

День 3

Самый жаркий и насыщенный пока день. Шли по холмам, долго шли. Вторая деревня, а потом длинный путь по автомобильной дороге. Дойдя до реки, мы остановились на купание и обед. Вода бежала быстро, образуя пену и причудливые рисунки на поверхности камней. Так светло, что невольно улыбаешься, а потом и вовсе смеешься залихватистым громким смехом. Я села рисовать на корнях деревьев, и никакая сила не могла заставить меня уйти. Стрекозы, синие и зеленые, летали вокруг, иногда садясь на краешек блокнота, чтобы взглянуть на мой рисунок. Следующий наш день планировался как дневка, поэтому, когда мы пришли на стоянку, мы были ошарашены тем, что

здесь есть туалеты, душ, магазин, даже электричество! Это была туристическая база. Мне не совсем было понятно всеобщее веселье. У нас же поход, а тут такая цивилизация... Долгая прогулка вглубь леса развеяли все мои ненужные мысли. Я шла вдоль ручья в надежде найти его исток. Но он был слишком далеко. Зато нашла красивые камни и бегом

взобралась на гору, чтобы поймать руками заходящее солнце. Наш поход ежедневно удивляет нас новыми местами, событиями, обстоятельствами. Сегодня мы спали под открытым небом, смотря на глубокую звездную бесконечность. Именно так рождается что-то сильное, что-то потрясающее и необъяснимое. Это чувства всеобщей любви, это осознание общего дела. Но главное, конечно же, это огромный необъятный мир вокруг нас и глубоко внутри каждого.

День 4

Ура, днёвка! Настроение утром у всех было максимально хорошее. Наконец-то отдых, наконец-то без рюкзаков пойдём! Но судьба — смешная и взбаламошная леди, поэтому без рюкзаков мы прошагали гораздо дольше гораздо большее расстояние, добрую половину которого мы шлепали по грязному месиву, которое оставили после себя машины-гусеницы. И, хотя мы все громко шутили и смеялись над сложившейся ситуацией, пока мы пробирались по колено в этой противной жиже, каждый из нас сожалел о чем-то. Кто-то о новых, только купленных и еще

вчера чистых ботинках, кто-то о неправильно потраченном времени, кто-то о себе самом и о своей “несчастной” участи. Но была и еще одна мысль в этом всеобщем унынии. Я шла и не понимала, как можно вот так запросто и жестоко исковеркать землю, смять ее, убить на ней жизнь. Наверное, только люди на такое способны... Мы видели шумные водопады и даже одну пещеру. Здесь в горах все идет правильно. Именно правильно. Домой мы вернулись уставшие. Еще одна ночь под звездами. Когда смотришь наверх, чувствуешь, как баюкает тебя небо. И это не описать словами, потому что для этого нету слов ни в одном из известных языков.

Дни 5 и 6

Эти два дня почему-то слились для меня в одну очень длинную вечность пути. Нам было и тяжело, и легко. Все мы были погружены в свои мысли, каждый думал о своем, но одновременно с этим все немножко мечтали о море. Наверное, все, кроме меня. Море нравилось мне, когда я была маленькой девочкой, когда можно было просто купаться днями напролет и ни о чем не думать. А сейчас... Сейчас у нас горы... В один из этих двух дней у нас была одна из самых красивых стоянок за весь поход. Дело в том, что мы внезапно для самих себя нашли ёлки. Могучие старые ели и маленькие молодые ёлочки. Прекрасный запах смолы и хвои пустил немного тумана в воспоминания об этих двух днях нашего путешествия.

День 7

Вверх, вверх, вверх... Так долго, но почти не тяжело, на удивление. Мы все уже приспособились к жизни в лесу, одичали, влились в непривычную для нас атмосферу и начали гармонировать с окружающим миром. К седьмому дню, кажется, все просекли фишку, как можно долго подниматься, чтобы не очень устать. Нужно смотреть вниз, под ноги того, кто идет впереди. Именно под ноги, а не вперед и не вверх, чтобы не считать, сколько еще осталось шагать. Идти ради идти. И только так. И мы шли. А потом поднялись на склон и увидели... Ох... Бесконечная синева хребтов, уходящих вдаль, как высокие волны на море спокойствия, до которого нам еще предстоит дойти. И снова вверх, идти ради идти. Там высоко обитает очень сильный ветер. Услышав его, я вдруг явственно ощутила, что снова вернулась домой. Все вокруг меня было таким знакомым, таким родным. Нет, не конкретно эти горы, не Кавказ, даже не Россия. Это так сложно описать... Просто моя безграничная любовь к этой земле, к этому небу, воздуху, ветру, к этой прекрасной жизни.

День 8

Самый легкий из всех ходовых дней. Он прошел быстро и незаметно. Холодные реки и большие камни, прямые дороги и попутный ветер. Место для стоянки мы нашли чудесное! Небольшая поляна, окруженная зарослями орешника, которые кто-то старательно высаживал в аккуратные ряды. В каждом из нас проснулся инстинкт собирателя, поэтому ближние ветки моментально оказались пусты. Еще одна ночь под звездами. Крайняя за этот поход. Их здесь совсем не так много, как было до этого. Конечно, ведь мы спустились с гор. Зато видели луну, и уми-

ротворение, и радость.

Дни 9 и 10

Вы любите море? Если бы мне до некоторых пор задали этот вопрос, я бы сказала, что терпеть не могу. Яркое ослепляющее солнце, скверная музыка, терпкие запахи, соленая вода, от которой щиплет раны, и люди. Бесконечное множество полуобнаженных тел всех возрастов, мечтающих о загаре и так называемом душевном отдыхе. А между тем на берегу дышать тяжело, не говоря уже о том, чтобы найти себе место на песке и свободный квадратный метр в синей стихии. Весь этот кошмар называется “курорт”, а не “морем”. Я терпеть не могу курорты. Но море... море... Утром следующего дня я все же решила попробовать прикоснуться к загадочной субстанции под названием Море. Я до сих пор не знаю, что это для меня, но я поняла, почему им восторгаются художники и поэты. Наверное, все дело в его огромности и ветре, что заставляет танцевать поверхность морской воды. Мне по душе другое Море. Море, что сводит с ума метеозависимых людей, вроде серферов и кайтеров. Эти безумцы выходят на берег только тогда, когда все остальные люди убегают подальше от густых облаков и высоких волн. И они находят в этом свое счастье, ведь одно дело — это жить у моря, а совсем другое — жить Морем! Когда я сидела на самом краешке пирса, мне было очень хорошо и спокойно смотреть в голубую даль, чувствовать ее вибрацию, слышать далекие крики чаек. Поэтому я все таки люблю море. Настоящее, живое, дикое. А сейчас вечер. Наш последний вечер вместе. И радостно на душе, и немного больно. Знаете, такая сладкая, еле ощутимая боль о том, что приключение наше неумолимо подходит к концу.

София Дарий
 номинат премии (октябрь 2014 года), 11 «А»

Неписателю (отрывок)

*** **

Когда однажды мы дойдём
 До места, где укрылись грустью
 Верхушки рек, деревьев устья
 — Тогда и скажешь о своём,

Когда однажды перейдём,
 Ты, я, — по воздуху озёра,
 Когда глазами мы споём,
 А губы словят фальшь суфлёра,

Когда укроет небо ночь —
 (С земли поднимется горящей),
 А пустота, веселья дочь,
 Раскроет, кто ты настоящий,

Тогда (быть может, я права)
 — Услышу пульс и слов, и крови,
 Тогда багровая трава
 Закат зелёный перекроет...

За серым закоптившимся окном были едва ли видны оранжевые круги фонарного света, едва ли заметно суетливое движение транспорта и хаотично семенящих людей.

Этот город не спит... только если совсем чуть-чуть. А порой так хочется укрыть его тяжёлым одеялом и оставить на ночь, словно маленького ребёнка, в присутствии которого не можешь работать, пока он не уснёт.

Так хочется, чтобы все вокруг замерло, застыло. Хочется пройтись по тем же улицам, никуда не спеша, разглядеть все, что в дневной суматохе кажется далёким и неважным.

Хочется, чтобы пустые скверы и проспекты, манящие своей сонной тишиной, дали волю расслабиться и, наконец, выдумать сюжет, расставить мысли по местам. Чтобы ничто не отвлекало.

Быть писателем трудно, реальность вечно смешивается с фантазиями в твоей голове. Нужно чаще останавливаться, приводить всё к относительному порядку. Или бросаться в бурю повседневной жизни, рискуя авторитетом, рискуя быть... странным. Найдутся те, кто поймёт тебя, чьё дружеское слово мягко спишется с твоим, тогда вы сможете делиться главным, сокровенным. Найдутся и те, кто захочет тебя «перевоспитать». В непринуждённой беседе с ними, когда ты упомянешь о творчестве, или вдруг заговоришь на своём настоящем языке, они, скорее всего, заскучают. А потом, вероятно, намекнут, что, мол, пора сменить тему...

На фото (слева направо): А. Никитина, М. Алексеенко, С. Дарий, Л. Константиноиди, С. Корсакова и Д. Савенко.

Лариса Константиноиди
 номинат премии (октябрь 2014 года), II «А»

*** **

Черные, сизые, белые птицы-годы...
 Гордо взвивается ввысь каждая стая!
 Но меж земным и небесным сводом
 каждый из этой стаи
 что-то оставил...

Черные птицы оставили сладкие муки:
 губы темнели, глаза чернели от страсти.
 С клавишей белых Надежда срывала звуки,
 но почему-то сбивалось на черные Счастье...

Сизые птицы, летящие в стае этой, —
 пепел Любви, что согрела кого-то, сгорая...
 Пепел Любви,
 нас водившей
 меж адом и раем
 и не успевшей дорогу найти до рассвета...

Белые птицы
 долго в полет собираются,
 бьются об лёд так, что перья летят там и тут...
 Время придет — с белым светом они попрощаются
 И наши души на крыльях своих унесут...

*** **

Если с выдумкой не сравниться,
 Не вместиться в рамки легенд —
 Человек становится птицей.
 Но куда этой птице лететь?
 На тебя не машу руками,
 Не кричу тебе грубо: «Кыш!».
 Ты совсем не птица. Ты - камень.
 Тот,
 Что птицу сбивает с крыш...

*** **

Как быстро уходит надежда!..
 Ступеньки судьбы круты.
 На льду новых ран
 и прежних
 не поскользнулся бы ты!
 ... И есть какая-то злая,
 нелепая тайна в том,
 что, страстно Надежду желая,
 легко мы ее отдаем...
 А жизнь не становится прежней!
 И, разницу чувствуя сам,
 Ты ринешься вслед за Надеждой,
 Но — досыта ею натешась —
 Уступишь таким же глупцам...

*** **

В замерзшие окна моей души
 Ты, Радость, отчаянно так не дыши!
 Не стой, моя Радость, у окон: зима!
 Застынешь сама...

И теплые руки сквозь мглу декабря
 Ты, Счастье, ко мне не протягивай зря —
 навстречу и шагу ступить не смогу —
 увязну в снегу...

В нечаянной грешной и светлой ночи
 Так громко ты, Сердце мое, не стучи,
 Не надо сбивать себе пальцы об лёд:
 И это — пройдет...

*** **

Запоздало сличили линии рук,
 ужаснулись тому, как похожи,
 И не рады сомнению, прошедшему вдруг
 леденящим ознобом по коже...
 И, как быстрые ветры, налетели слова!
 Душу до уголочков вымели!
 Задышала любовь, и зашлась голова
 в спорах с нею о правде и вымысле...
 Но ни шага не делай, ни рук не тяни,
 И не мучай дрожаньем бровей.
 Нагадала цыганка счастливые дни,
 Так попробуй ей не поверь.

Мы ж как рельсы!
 Серебряных линий поток,
 параллельно летящих с откоса...
 От какого наследства оставшийся долг
 так послушно мы платим колесам?...

«Нам казалось, мы знаем, что ждет их внутри»

Сергей ГОВОРОВ

один из постоянных авторов «Пугачёвки, 6»,
выпускник 1998 года, ныне – директор по юридическим и
кадровым вопросам ОАО «СВОБОДА»

Мы познакомились очень давно. Осенью 1991 года Юрий Брониславович Пирятинский принял кураторство над нашим вновь набранным 5 «А». Помню первое впечатление: на линейке 1 сентября ЮБ подтянут, элегантен, слегка отстранен от происходящей вокруг суматохи. В общем, разительно отличается от учителей начальной школы, из которой мы только что тогда вышли...

С юмором, иронией, да и с жесткой сатирой у Юрия Брониславовича было все в полном порядке. Но и с тем, чтобы пошутить над собой проблем не было. Вероятно, поэтому первый урок начался нетривиально – мы прослушали краткий подбор ученических вариантов изменений его фамилии и отчества (запомнилось – полное «Бронтозаврович» и сокращенное «Бронтя») и последующее безапелляционное уверение, что мы вряд ли придумаем что-то новое. И поэтому не стоит на это тратить наше драгоценное время...

Несмотря на это, в школьные годы «за глаза» мы называли его по-разному. Но впоследствии я пришел к выводу, что чувство уважения к учителю не позволяет мне называть его иначе как по имени-отчеству...

Мы обожали уроки, когда начинали любую новую тему по русскому языку. Неординарная подача материала, выходящая далеко за рамки программы учебника, доступные и интересные примеры: 45 минут урока проходили очень быстро, и новый материал надолго оставался в памяти. Многие помню до сих пор. Например, после изучения темы возвратных «постфиксов» меня по сей день внутренне передергивает, когда кто-то вместо «извините» произносит «извиняюсь». Последнее – неприемлемо, поскольку, как говорил Юрий Брониславович, эта форма означает извинение перед собой, что неграмотно и неуважительно по отношению к человеку, с которым общаешься.

В отличие от уроков изучения нового материала, занятия, посвященные закреплению знаний, проходили в достаточно жестком режиме: Юрий Брониславович требовал отдачи от своих подопечных в том же сверхувеличенном объеме, что и преподавал знания. Двойки и единицы сыпались как из рога изобилия, отвечающий краснел-бледнел-потел и заикался, а остальной класс веселился, слушая комментарии ЮБ к неудачному ответу. Зато похвалу нашего учителя мы воспринимали как высший знак отличия, причем неважно, выражалось ли это потом в отличной оценке в журнале или нет – приятно было именно уважительное отношение Юрия Брониславовича к тебе и твоим знаниям.

Начало 90-х прошлого века – сложное время. Однако чуть ли не в каждые каникулы мы выезжали в экскурсионные поездки по городам европейской части России. Именно в поездках как наиболее длительных по времени периодах внеклассного общения с ЮБ, удавалось узнать его глубже и больше. Человек глубочайших знаний, эрудированный, увлекающий своим рассказом, подмечающий сам и учащий других подмечать незаметное – таким мы видели куратора во время осмотра памятников архитектуры и древности. Отличный организатор – дисциплинирующий, умеющий делегировать полномочия, быстро принимающий решения в проблемных ситуациях: наши родители не боялись отпускать нас – пятиклассников – в постсоветскую разруху провинциальных городов.

Юрий Брониславович не стеснялся и не боялся показать ученикам, что какая-то экскурсия ему не интересна, громко заявить свое отличное от других оценочное мнение по тому или иному поводу (и даже жестко спорить с таким непререкаемым авторитетом и гуру экскурсионных поездок как Абрам Григорьевич Липкинд!). Такие примеры поведения учили нас отстаивать право на свое мнение, на собственный поступок в школьных стенах и вовне.

А в 1996-м Юрий Брониславович набрал новый 5 класс. Было смешно смотреть, как он строит ребят перед дверями 21-го. Мы вспоминали себя. Нам казалось, мы знаем, что ждет их внутри...